

УДК 316

**МНОГОМЕРНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА:
ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ**

© 2009 г.

*А.М. Бекарев*¹, *К.Э. Бурнашев*²¹Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского²Марийский государственный технический университет

adrian@sandy.ru

Поступила в редакцию 11.05.2009

Осуществлена попытка объединения различных мер социального пространства через призму его «человекообразности». Вместе с тем в силу разнообразия типов личности пространство вновь получает предикат многомерного. С другой стороны, современное социальное пространство глобализованного общества становится относительно унифицированным, поскольку организуется тремя ценностями, в знаменателе которых лежит фактор обладания: деньги, власть и слава. Рассматриваются возможные модели построения пространства за пределами индивидуализированного общества.

Ключевые слова: власть, горизонт, деньги, индивидуализированное общество, социальное пространство, социальность, человекообразность, массовый человек.

Проблема операционализации как проблема поиска меры. Непросто признать факт существования социального пространства. Непросто, потому что нет у него привычных глазу «длины», «ширины», «высоты», «верха» и «низа». И пока мы его не научимся измерять, скептики едва ли согласятся с тем, что социальное пространство есть твердо установленный эмпирический факт. Потребность в измерении рождается не столько из исследовательского любопытства или желания обратить скептиков в единомышленников, сколько из необходимости научного обоснования объективного существования феномена, ибо отсутствие процедуры измерения делает социальное пространство бесполезной абстракцией, которая не выполняет операционную функцию научного понятия. С другой стороны, чтобы эта категория получила действительно социологическую «прописку» и выросла из своей метафорической одежды, ее необходимо сделать пригодной для процедуры измерения, представив в виде некоторого набора переменных.

Мы не склонны утверждать, что «существовать – значит быть измеряемым», но полагаем, что количественная мера есть у любого явления, обладающего каким-либо качеством. Что касается нашей собственной позиции, то мы думаем, что человек не знает других форм объективно существующего пространства, кроме социального. Эвклидово или Ньютоново пространство – это математические (геометрические) конструкты, полученные путем абстрагирования («выпаривания») от синкретичного социального пространства. С другой стороны, они

потому и измеряемы, что их до этого сделали плоскими и однородными. Вместе с тем следует подчеркнуть, что, как правило, измеряемо лишь то, что длится равномерно или является однородным.

Скорее всего, прав был Ж. Гурвич, утверждая, что пространство – одно, лишь *перспективы* разные. «Пространство, в котором располагается внешний мир, так же как и социальный мир, в качестве реальности, независимой от всякого осознания, может быть только *одним-единственным-пространством*. Любая другая интерпретация означала бы мистику видимых и невидимых миров, которая была бы пригодной только для архаического общества. Разнообразие пространств, следовательно, можно допускать только как результирующую вторжения разнообразных восприятий, символизаций, концептуализаций и т.д. Это не значит, что виды пространств лишены всякой реальности. Речь идет лишь не о полной реальности пространства, но о перспективах, в которые его помещают различные осознания. Эти перспективы не являются иллюзиями, поскольку они создают пути приближения к единому реальному пространству» [1, с. 39]. Социальное пространство для человеческого существа является «одним-единственным-пространством», ибо не суждено человеку смотреть на окружающий мир глазами пчелы, осьминога или Соляриса. Ясно, что в этом пространстве находятся не только человеческие индивиды и их взаимодействия. Вся природная, ландшафтная и техническая среда вовлечены в это пространство, где люди взаимно ограничивают или продлевают друг друга.

«Человекоразмерность» мира. Очевидно, что социальное пространство не может быть измерено с помощью традиционных метрических систем, находящихся в арсенале естественных наук. Вернее, такое измерение мало что дает в плане его постижения. Необходимо искать иные «линейки» и иные способы замера. Одну из таких «линеек» предложил Протагор. Универсальность его тезиса дает возможность применить «меру человека» при анализе любых объектов, в том числе и базовых социальных конструктов (время, пространство, движение). Эвристичность подобных попыток возрастает в силу того, что социальное пространство возникает и длится благодаря усилиям человека и во многом зависит от его проявлений. Впрочем, имеется в виду вовсе не абстрактный человек (человек «вообще») и не герой-одиночка.

Мы исходим из предпосылки, что пространство «всех и каждого» произведено «всеми и каждым». В этом смысле вполне подходит метафора Л. Толстого о «роевой силе масс», действующей стихийно, бессознательно. В исторической жизни человек неизбежно исполняет предписанные ему законы. «Как солнце и каждый атом эфира есть шар законченный в самом себе, и вместе с тем только атом недоступного человеку по огромности целого, так и каждая личность носит в себе свои цели и между тем носит их для того, чтобы служить недоступным человеку целям общим» [2, с. 391]. Пространство не дано в готовом виде. Оно строится и организуется. Не всегда этот процесс включает в себя сознательное и целенаправленное проектирование. Как раз наоборот: оно организуется стихийно посредством «роевой силы масс», когда каждое новое поколение вынуждено жить по меркам, которые произвели их предшественники. На каких-то этапах истории происходит революционный слом воздвигнутых построений. Как правило, слом стихийный и кровавый.

Проблема как раз состоит в том, чтобы стать сознательными «зодчими» своего пространства и научиться управлять процессами «ограничения» и «распространения» индивидов как деятелей и ведомых. Для этого нужно научиться измерять, пользуясь некими эталонами. Такими эталонами мы пользуемся в повседневном мире, когда говорим о «верхах» и «низах», о «дистанции» между управляющими и управляемыми, о «траектории» карьерного роста, о «Дао» и «Шаре» и т.п. Но в любом случае исходной мерой выступает человек – современный, среднестатистический, массовый, типичный etc.

Массовый человек в социальном пространстве. Антропологический поворот в философии, начатый со времен Ф. Шеллинга,

С. Кьеркегора и продолженный Ф. Ницше и М. Шелером, привел в XX веке к появлению многочисленных исследований, связанных с различными аспектами человека, его природы, сущности и существования. Проблема измерения человека также не осталась в стороне, хотя и не являлась магистральной. С другой стороны, неоднократно были попытки измерить социальное пространство при помощи «человекомерия».

Например, Х. Ортега-и-Гассет воссоздает морфологию социального пространства современного ему европейского мира по наиболее типичному «массовому человеку». «Масса – это «средний человек». Здесь чисто количественное определение – множество – переходит в качественное. Это – совместное качество, ничейное и отчуждаемое, это человек в той мере, в какой он не отличается от остальных и повторяет общий тип. Какой смысл в этом переводе количества в качество? Простейший – так понятней происхождение массы... В сущности, чтобы ощутить массу... не требуется людских скопищ. По одному-единственному человеку можно определить, масса это или нет» [3, с. 18–19]. Выстраиваемое социальное пространство европейского мира предстает «одномерным». Оно скроено по образу и подобию доминирующего представителя. Массовый человек, повторяя все свойства массы, олицетворяет собой множество. Массовому типу Ортега противопоставляет человека аристократического, представителя меньшинства, того, кто отошел от толпы. Этому типу присущи высокое чувство ответственности не только за свои действия, но и за положение вещей в окружающем его мире, ответственность за других. «Обычно, говоря об «избранном меньшинстве», передегивают смысл этого выражения, притворно забывая, что избранные не те, кто кичливо ставит себя выше, но те, кто требует от себя больше, даже если требование к себе непосильно» [3, с. 19].

Личностный склад массового человека характеризуется двумя основными чертами: «беспрепятственный рост жизненных запросов и, следовательно, безудержная экспансия собственной натуры и – второе – врожденная неблагодарность ко всему, что сумело облегчить ему жизнь. Обе черты рисуют весьма знакомый душевный склад – избалованного ребенка. И в общем можно уверенно прилагать их к массовой душе как оси координат» [3, с. 57]. Портрет массового человека – это портрет массового потребителя.

Аналогичную оценку дает и Э. Фромм: «Потребительство характеризуется установкой, суть которой заключается в стремлении поглотить

весь мир. Потребитель – это требующий соски вечный младенец» [4, с. 214]. Между тем отметим, что измерить степень «жизненных запросов» и «экспансии собственной натуры» уже вполне доступно. Если исходить из фроммовской формулы, согласно которой «я есть то, чем я обладаю и что я потребляю», то размер (масштаб) личности будет зависеть, в самом широком смысле, от арсенала обладания. Неслучайно в обществе массового потребления людей измеряют не по тому, что они умеют, а по тому, что они «имеют». Чем большим индивид владеет, чем большее количество вещей держит под своим контролем, тем больше размер его личности в пространстве потребительского общества. У каждого человека, например, есть своя цена, которая также поддается конкретному измерению. Человека «измеряют» такие же, как он, индивиды-потребители. Хотя «уметь» и «иметь» отнюдь не единственные меры человека, который способен еще «быть», оставаясь самим собой.

Анализируя поведение человека с установкой на обладание, Э. Фромм вводит понятия активности и пассивности. В эти понятия он вкладывает непривычный для современной культуры смысл. «Отчужденная активность в смысле простой занятости фактически является «пассивностью» в смысле продуктивности, в то время как пассивность, подразумевающая незапятнанность, вполне может быть и неотчужденной активностью. В наши дни все это трудно понять, так как активность чаще всего представляет собой отчужденную «пассивность», продуктивная же пассивность встречается крайне редко» [4, с. 273]. Трактатка, близкая по духу принципу даосизма о «деянии посредством недеяния». Лао-Цзы подчеркивал, насколько трудно осуществлять недеяние: «Управляя людьми и служа небу, лучше всего соблюдать воздержание. Воздержание должно стать главной заботой. Оно называется совершенствованием дэ. Совершенствование дэ – всепобеждающее» [5, с. 137]. В творчестве Э. Фромма довольно четко прослеживаются мотивы восточного аскетизма. Но есть другая сторона, связанная с процедурой диагностики в психоанализе. Эта процедура нуждается в измеряемых переменных. Впрочем, как и социология. Заметим, что степень активности и пассивности тоже может быть измерена. Мы можем сказать, насколько активен или пассивен человек и какова его активность или пассивность, носит ли она отчужденный или продуктивный характер.

В качестве примера продуктивно активного типа личности, по которому можно восстановить морфологию соответствующего этому ти-

пу социального пространства, может выступать гражданин греческого полиса. Как известно, отчужденным трудом в Древней Греции занимались исключительно рабы, свободные граждане занимались такой деятельностью, которая не приносила утилитарной пользы («Что пользы от мудрости?» – вопрошал Платон). Одним из наиболее достойных видов занятий считалось созерцание. Причем созерцательная жизнь олицетворяла собой высшую форму активности, так как относилась к деятельности ума и интеллектуальной интуиции. Люди с ориентацией на продуктивную активность конструируют соответствующую этой активности форму социального пространства, в которой активность получает наибольшую возможность для проявлений (к примеру, греческий полис или первые христианские общины). Пассивный тип личности способствует созданию противоположных форм социального пространства, ориентированных на эгоизм и потребление (например, общество тотального потребления).

Что касается современности и постсовременности, то здесь массовый человек становится «одномерным». По портрету «одномерного» человека, который написал Г. Маркузе, легко восстановить морфологию социального пространства. Все дело в том, что пространство индустриального общества всецело вытесняет из человека все личное, подчиняя его полностью своей структуре. «В современную эпоху технологическая реальность вторгается в это личное пространство и сводит его на «нет». Массовое производство и распределение претендуют на всего индивида, а индустриальная психология уже давно вышла за пределы завода. Многообразные процессы интроекции кажутся отвердевшими в почти механических реакциях. В результате мы наблюдаем не приспособление, но мимесис: непосредственную идентификацию индивида со своим обществом и через это последнее с обществом как целым» [6, с. 14]. Выявление универсальных типов человека современного общества становится возможным благодаря тенденциям унификации и «осреднения» жизни. В данном случае речь идет о представителе среднего класса европейского общества. Массовый человек – это не столько «Homo sapiens» или «Homo ludens». Он наследует, репродуцирует и продуцирует мифы. А.Ф. Лосев утверждал, что «всякая живая личность есть так или иначе миф... она осмыслена и оформлена с точки зрения мифического сознания» [7, с. 76].

«Иметь или не иметь?» – к вопросу об истории тотального отчуждения. Используя словосочетание «всеми и каждым», мы не-

сколько отклонились от истины. Люди не равны. И не каждый согласится, что он «все и каждый». Кто-то, например, скажет, что он демиург и небожитель. Новейшую историю делают «все», но лишь в конечном счете. А начинали ее строительство отнюдь не «все». Массы в это время продолжали роиться вокруг обветшавших сословных ценностей, подчиняясь позывам рутинной повседневности. Однако это строительство начали вовсе не «данко» и прочие мессии. Это «ротшильды» и их предшественники, те, кто возвел золотого тельца на императорский престол. Впрочем, речь идет об известном марксистском тезисе о том, как идеология господствующего класса становится господствующей идеологией общества. Правда, в глобальном обществе становление завершилось.

Расставим акценты. Господствующий класс хотел обладать. Обладать всем, чем можно обладать – землей, подземной кладовой, бизнесом, рабочими местами, именами и прочей продукцией человеческого гения, которую можно разменять на звонкую монету. Чувство обладания как всепожирающая страсть, которая уничтожает все другие чувства. Между тем есть явления, которыми обладать совсем не хочется. Таковы болезни, уныние, тяжкий и скорбный труд, лишения и испытания. И есть явления, которые действуют магнетическим образом. К ним относятся различные «силы» или способности: силы природы, силы коллективов и силы индивидов. Когда-то полагали, что эти силы неукротимы. Но оказалось, что вовсе нет. Их способен укротить капитал – как то, чем хочется обладать. Это необязательно деньги, которые стремятся расти в сторону дурной бесконечности. Однако капитал – это такой алхимик, который все может превратить в деньги. Есть по меньшей мере три ценности отчужденного мира, ради которых люди идут на многие жертвы: это деньги, власть и слава [8, с. 21]. Раньше полагали, что эти ценности не обмениваются друг на друга. Сейчас думают иначе. Купить можно и место президента компании, и стать «человеком года» за \$500. Поскольку вся триада имеет один знаменатель – обладание. Деньги – это универсальный товар, через который человек способен обладать всем миром вещей. Власть – это обладание индивидами как существами, наделенными плотью. Слава (или бренды) – это обладание душами современных людей, которые отвергли старых богов, чтобы обладать новыми (например, Ford, Parker, Nike, Nestle и т.д.). Триада – это единый фрактал, это совокупность самоподобных явлений. Триада господствует в «системе» Ю. Хабермаса. Но, если внимательно

присмотреться, то она господствует и в «жизненном мире» [9, с. 353]. Вокруг трех ценностей вращается не только элита. Вступила в силу «роевая сила масс». Индивиды конкурируют друг с другом за право обладания. В этом вопросе нет дружбы и взаимопомощи. В итоге мы получили «индивидуализированное общество», совокупность «робинзонов», которые утратили *социальность* как ценность. Социальность осталась в прошлом [10]. В композиции «Я – Мы – Они» исчез средний термин. Сейчас пространство таково, что человек – среди чужих и против чужих, но за ценности обладания. Пространство организовано. Им управляют не люди. Им управляют ценности, когда-то созданные людьми, но отчужденные и покоровшие весь мир. Несмотря на уничтожающую критику отчуждения, удивляет тот факт, что отчуждение неуничтожимо. Более того, оно жизнеспособно. Как сорняк. Капитализм, сведя все к чистогану, вовсе не собирается уходить с авансены истории. Ибо его поддерживает «роевая сила масс». Пространство не исчезло. Исчезла его социальность. Индивидуализированные эгоисты идут по вертикали от обладания деньгами до обладания победным имиджем. Они зомбированы отчужденными ценностями.

По ту сторону обладания. По ту сторону обладания находится все то, что люди утратили и чем уже не обладают. Старая «социальность» обветшала и пришла в негодность. Это верно для Западного полушария. На Востоке еще живут узы родства и наставничества. Но ввиду глобализации (в духе вестернизации) эти узы ослабевают. Остается надежда лишь на новую социальность с иным дизайном социального пространства. Пространство связано с «линией горизонта». Горизонт определяется объемом «Мы» – от узкой группы друзей и единомышленников, нуклеарной семьи до горизонта человечества в целом. Однако и этот горизонт может быть расширен до мира живого и космического. Такое пространство уже управляется людьми, которым становится тесно в своей эгоистической скорлупе, и они начинают творить коллективность по всем меркам – людей, животных и растений. И тогда человек за многое ответствен. Как говорил об этом Ж.-П. Сартр: «Когда мы говорим, что человек ответствен, то это не означает, что он ответствен только за свою индивидуальность. Он отвечает за всех людей... Когда мы говорим, что человек сам себя выбирает, мы имеем в виду, что каждый из нас выбирает себя, но тем самым мы также хотим сказать, что, выбирая себя, мы выбираем всех людей... Я ответствен, таким обра-

зом, за себя самого и за всех и создаю определенный образ человека, который выбираю, выбирая себя, я выбираю человека вообще» [11, с. 324].

Список литературы

1. Гурвич Ж. Социальные рамки познания // Личность. Культура. Общество. Международный журнал социальных и гуманитарных наук. М.: Наука, 2008. Том. X. Вып. 5–6 (44–45). 552 с.
2. Толстой Л.Н. Война и мир. М., 1968. Т. 4. 556 с.
3. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс: Сб.: Пер. с исп. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 509 с.
4. Фромм Э. Психоанализ и религия; Искусство любить; Иметь или Быть? Киев.: Ника-Центр, 1998. 400 с. (Серия «Познание»; Вып.7).
5. Лао-Цзы. Дао Дэ Цзин // Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. М.: Мысль, 1972. Т. 1. С. 114–138.
6. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 1994. С. 14.
7. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. 525 с. (Мыслители XX века).
8. Общение как обобщение (роль символических «посредников» в коммуникативном процессе) // Коммуникация и конструирование социальных реальностей. Сб. науч. статей / Отв. ред. О.Г. Филатова. Часть 1. СПб.: Роза мира, 2006. С. 21–27.
9. Хабермас Ю. Отношение между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // Теоретическая социология. Антология. В 2 ч. М.: Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 2. 432 с.
10. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. 390 с.; Bauman, Zygmunt. Liquid Modernity. Polity Press, Cambridge, 2000. 228 p.
11. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // В кн.: Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. 398 с.

MULTIPLE DIMENSIONS OF SOCIAL SPACE IN THE CONTEXT OF ORGANIZATION AND MANAGEMENT

A.M. Bekarev, C.E. Burnashev

The authors attempt to combine various dimensions of social space through the prism of its human dimension. At the same time, by virtue of various types of personality, this space again acquires the predicate of multiple dimensions. On the other hand, modern social space of the globalized society becomes relatively unified, since it is organized by three values with the underlying factor of possession: money, power and glory. Possible models for constructing a space beyond the individualized society are considered.

Keywords: power, horizon, money, individualized society, social space, sociality, human dimension, mass person.